

Чулым

Прохладный час июньского восхода.
На листьях трав — алмазная роса.
Погожий день стоит уже у входа.
В лучах зари зелёные леса.

А там — внизу — цветущая долина,
Змеистой лентой светится река.
И корабли золотые исполина —
Плывут в лучах победных — облака.

И над рекой дремавшая заимка
Возникла вдруг, а шапка-невидимка —
Речной туман — рассеялся, как дым.

Уж высоко торжественное солнце,
И льёт, и льёт горящие червонцы,
И весь в огне извилистый Чулым.

Скит

О Господи, какая тишина!
Безмолвные уходят в небо сосны.
И в воздухе нагретом — ладан росный:
Всех горных смол пахучая волна.

О Господи, как радостно вдыхать
Сей дух тайги, столь дивно благовонный.
И колокол зовущий, златозвонный,
В рочный час гудящий услышать.

Как ясно здесь всё сердцу говорит,
Что Ты — вот здесь, Всевидающий и Нежный,
Ты, мир создавший дивный и безбрежный.

Во время бурь для нас надёжный щит —
В глуши тайги уединённый скит,
Где пристань есть всегда душе мятежной.

Буддийский храм близ Токио

Старинный храм, тенистый, молчаливый,
Ряды колонн, резьба на потолке,
Тела драконов, хоботов извивы,
Вот мотылёк, уснувший на цветке.

И голос бронзы сонно-монотонный,
И гонга стон, и шелесты мольбы.
Колодец скорби, океан бездонный.
Все пали ниц перед лицом судьбы.

Всё в мире — сон. Вся наша жизнь — виденья.
Довольно мук. Не нужно наслажденья.
Пусть дни плывут, как синий дым кадил.

Перед лицом всевидящего Бога,
У бронзовых дверей, вблизи порога,
Я голову молитвенно склонил.

Белый храм

В горах, где запах кедров благовонный
Струится, как священный фимиам,
Из мрамора природой сложен храм,
Над изумрудною тайгой взнесённый.

Река стремится в пропасти бездонной,
Тайга шумит, как вольный океан,
Напоминая ропотом орган
Иль шум волны прибоя отдаленный.

Блестит в лучах утёс, как снег белея.
Вдали горят Саянских гор снега.
И белая черемухи аллея
Скрывает речки горной берега.

В бесчисленных цветах духи лелея,
Творит молитвы вольная тайга.

Странник

Уйти в скиты на Беловодье,
Уйти в заманчивую даль,
Вздыхнуть вольнее на свободе,
Развеять давнюю печаль.

Уйти с котомкой за плечами,
Брести чуть зримою тропой,

Пить мир открытыми очами,
Измерить мир своей стопой.

Без слов молиться по дороге
Тому, Кто знает боль души.
Идти, куда носят ноги.
Дремать, как дремлют камыши.

И там, за синими горами,
Над бирюзовой рекой,
Очистить дух Творца дарами,
Найти утраченный покой.

Бескрылые

О Боже мой, как кратки наши дни,
И каждый час проходит безвозвратно.
Вот летний день. Он дышит ароматно.
Но час пробьет, и догорят огни.

И снова ночь. И снова мы одни.
И смотрят звезды в душу молчаливо.
И чую мы, что жили суетливо,
И молим мы: «Нам прошлое верни».

И снова день. И снова синева.
И всё в природе дивно и прекрасно.
И вновь живем мы тускло и напрасно.
И вянем мы, и никнем, как трава.

На паперти

Я — нищий. Я — калека. Я — безногий.
Я в жалком рублище на паперти сажу.
Я грешный недостойный, я убогий
На службу стройную и светлую гляжу.
Вот — золото, синий ладан и мерцанье

Живых огней пред ликами икон,
Кадила равномерное бряцанье
И с колокольни медно-струнный звон.
Воистину здесь Силы Неземные
Незримо с нами служат в этот час.
О, как ничтожны горести земные,
Когда Господь Себя являет в нас!

Под весенними звёздами

Бурятская песня

Мой конь, осторожней ступай,
Осторожней — она задремала.
Распевать щебетунья устала.
Мой конь, тихо, тихо ступай.

Как спит она тихо сейчас!
А давно ли так звонко смеялась,
Гибким телом ко мне прижималась
И жгла ярким пламенем глаз?!

Так спят в глубине своих гнёзд
Щебетуньи весёлые птички
При свете мерцающих звёзд.

Гурба — Марал (Орион)

Бурятское предание

Над горами сверкает золотыми лучами
Бесконечный шатёр — полный тайн небосклон.
Средь созвездий горящих привлекает ночами
И волнует мечту пастухов Орион.

«Слушай, русский охотник, у бурят есть преданье,
Как возник в небесах этот яркий узор.

И хранится сказанье людям всем в назиданье,
И его говорят у костров с давних пор.

Был когда-то велик богатырь черноокий,
Знаменитый стрелок, князь Хохосо-Моргон.
Взгляд очей его ярких, словно море, глубокий
Был таинственной силы пленительной полн.

И от стрел его лёгких, словно птиц оперённых,
Убежать не успел бы ни волк, ни марал.
И охотник отважный до вершин убелённых,
За маралом гоняясь, на лыжах взбегал.

Раз бежал он по насту, догоняя маралов,
То спускаясь в леса, то на гребни хребтов,
Что вздымаются гордо над низиной провалов,
Словно птица, взлетал богатырь-зверолов.

В быстром беге безумном взбегали маралы
На огромный взнесённый над бездной утёс.
Там вверху поднимались заострённые скалы,
Снизу витязь могучий смерть верную нёс.

И застыли над бездной три могучих марала,
Их глаза выражали мучительный страх.
И луна, поднимаясь, ярко их озаряла,
Отражаясь в блестящих звериных глазах.

Горный дух всемогущий увидал обречённых
И любимых маралов своих пожалел.
Вот погонею быстрой богатырь увлечённый
Уж маралов стрелой поразить захотел.

Вот, нацелясь, пустил он стрелу свою — птицу,
Но маралы с утёса исчезли все вдруг.
Превратил Бог маралов в ярких звезд вереницу,
И стрелу, что послал мощный витязя лук.

И стоял удивлённый богатырь черноокий.
Замирал тетивы переливчатый стон.
А на небе искрился бесконечно далёкий
Прихотливый узор — золотой Орион».